

- Nationale de la Recherche Scientifique. 559], Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique Publ., 1977, pp. 201–220 (in German).
- Irigoien J. *Une écriture du Xe siècle: la minuscule bouletée. La paléographie grecque et byzantine. Paris, 12–25 octobre 1974 [Colloques internationaux du Centre nationale de la recherche scientifique. 559]*, Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique Publ., 1977, pp. 191–199 (in French).
- Kavrus N.F., “Diamantschrift” in Greek manuscripts of Moscow and Leningrad. *Vizantijskij vremennik (Byzantina Chronica)*, 1986, vol. 47, pp. 194–204 (in Russian).
- Kadas S., *Illustrated manuscripts of Gregory the Theologian on Mount Athos. Some observations. Mnēmē Agiōn Grēgoriou tou Theologou kai Megalou Phōtiou Arkhiepiskopōn Kōnstantinoupoleōs»: praktika epistēmonikou sumposiou (14–17 Oktōvriou 1993 Thessalonikē (Memory of Saints Gregory the Theologian and Great Photios Archbishops of Constantinople: proceedings of a scientific symposium (October 14–17, 1993, Thessaloniki), Thessaloniki, 1994, pp. 299–325 (in Greek).*
- Kadas S., *Ta eikonographēmena kheirographa tou Agiou Orous (The illustrated manuscripts of Mount Athos)*, Thessaloniki, Kiriakidē Publ., 2008. 480 p. (in Greek).
- Lucà S., Frammenti di codici greci in Umbria. *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata*, n.s. 2002–2003, vols. 56–57, pp. 107–131 (in Italian).
- Omont H., *Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque nationale et des autres bibliothèques de Paris et des Départements*, vol. 1, Paris, Alphonse Picard Publ., 1886. 411 p. (in French).
- Orsini P., *Scrittura come imagine. Morfologia e storia della maiuscola liturgica bizantina*, Rome, Viella Publ., 2013, 127 p. (in Italian).
- Orsini P., *Decorated Liturgical Majuscule. Studies on Greek and Coptic Majuscule Scripts and Books [Studies in Manuscript Cultures. 15]*, Berlin, Boston, De Gruyter Publ., 2019, pp. 198–209.
- Presutti S., The development of Latin alphabet identity markers: A comparison among three Romance graphemes. *Lingua*, 2021, vol. 259, pp. 1–17.
- Vladimir (Filantropov), archimandrite, *Sistematicheskoe opisanie rukopisej Moskovskoj Sinodal'noj (Patriarshej) biblioteki. Chast' 1: Rukopisi grecheskie (Systematic description of the manuscripts of the Moscow Synodal (Patriarchal) library. Part 1: Greek Manuscripts)*, Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1894. 880 p. (in Russian, Greek).
- Weitzmann K., *Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts (Archäologisches Institut des Deutschen Reiches, Abteilung Istanbul)*, Berlin, Gebr. Mann Publ., 1935. XV, 93 p. (in German).

С.А. Лащук

Надписи на ковчеге Дионисия Суздальского: филологический комментарий¹

© 2024

УДК УДК 745:27-523"1384"
ББК 85.12(2)4
Л32

Поступила в редакцию 21.04.2024

Драгоценный ковчег-мощевик, как сообщает летопись на нем, был создан в 1383 г. по заказу нижегородского князя Дмитрия Константиновича для святынь Страстей Господних, привезенных из Константинополя святителем Дионисием, незадолго до того возведенным в сан архиепископа Суздальского. Местом изготовления реликвария в последних исследованиях считается Нижний Новгород [Стерлигова, 1999. С. 298–300], хотя отсутствие на территории Нижегородского княжества современных ковчегу памятников такого высокого художественного уровня заставляла исследователей атрибутировать ковчег мастерам новгородско-псковской [Николаева, 1976. С. 34] и даже константинопольской [Некрасов, 1937. С. 224] школы. В 1401 г. по присоединении Нижегородско-Суздальского княжества к Московскому ковчег был перенесен в Москву и хранился как особо почитаемая святыня великокняжеского (и царского) дома до передачи его в Оружейную палату в 1919 г.

Ценность для искусствоведов и историков в ковчеге представляют не столько сами реликвии и драгоценные инкрустрации, сколько лицевая сторона его оклада, на которой сохранились тонко исполненные изображения в полукружиях и квадратах, образующие развернутый страстной цикл, и комплекс надписей, включающий в себя замечательные примеры целого ряда жанров церковной вещевой эпиграфики: вкладную надпись, развернутые подписи-пояснения к святым реликвиям, «крестные словеса», подписи к изображениям и даже криптограмму. Этот обширный эпиграфический материал, ранее опубликованный, но систематически не исследованный, и будет в фокусе нашей статьи.

Надписи выполнены в технике оброна и дошли до нас в почти идеальном состоянии: в реконструкции нуждается лишь несколько фрагментов вкладной

¹ Исследование выполнено в НИУ ВШЭ за счет гранта Российского научного фонда № 19–18–00352, <https://rscf.ru/project/19–18–00352/>.

надписи, которые в местах крепления были закрыты болтами. Последовательная публикация надписей была впервые осуществлена Б.А. Рыбаковым [Рыбаков, 1964. С. 43–44]. В работе Рыбакова полностью прочитаны тексты вокруг оконеч с реликвиями и вкладная надпись, однако допускаются ряд неточностей в передаче букв и словоделении. И.А. Стерлигова в статье для каталога реликвариев Московского Кремля исправляет многие из неточностей, допущенных Рыбаковым, и приводит тексты, Рыбаковым не опубликованные: крестопоклонную надпись и криптограмму вокруг частицы Истинного креста, а также менее пространственные подписи к изображениям в квадратах и полукружиях [Стерлигова, 2000. С. 45–46]. Удачно исправляя многие ошибки своего предшественника, Стерлигова все же неточно передает некоторые буквы и, кроме того, предпочитает оставить без реконструкции сложночитаемые фрагменты вкладной надписи.

Некоторые надписи ковчега удостоились отдельных исследований: так, А.Г. Орлов приводил свое прочтение вкладной надписи [Орлов, 1952. С. 94], а А.А. Гиппиус в недавней публикации расшифровал тайнопись вокруг креста, которая долгое время оставалась неразгаданной [Гиппиус, 2022].

Несмотря на пространственность и изысканность надписей ковчега, сочиненных, по всей вероятности, самим архиепископом Дионисием, эти тексты до сих пор не становились самостоятельным объектом лингво-филологического анализа. Отдельные беглые замечания по поводу языка надписей были сделаны И.А. Стерлиговой, которая, однако, отмечает необходимость развернутого лингвистического исследования этих текстов [Стерлигова, 1999. С. 283]. Данная статья призвана по возможности заполнить эту лакуну.

Подобный лингво-филологический анализ должен включать в себя несколько направлений:

1. Уточнение прочтений текстов.
2. Прояснение «темных мест».
3. Анализ источников.
4. Характеристика языка.

Эти общие задачи определяют структуру данной статьи. В первой ее части будут приведены уточненные прочтения всех надписей ковчега² с комментариями к неоднозначно читаемым или требующим особого пояснения местам. Во второй — представлена общая характеристика круга источников, орфографии, синтаксиса и структурно-семантических особенностей этих текстов.

- 2 Тексты приводятся в соответствии с системой, разработанной А.А. Зализняком: сокращения не раскрываются, буквы, сохранившиеся частично, записываются в квадратных скобках, чистые конъектуры — в круглых, буквы, написанные по ошибке, — в фигурных. Лигатуры обозначаются нижним подчеркиванием. Вслед за надписями указываются отличия от предыдущих прочтений, если таковые имеются. Чтения текстов верифицировались по высококачественной фотографии ковчега на сайте Музеев Московского Кремля: URL: <https://collectiononline.kreml.ru/entity/OBJECT/41950?query=1383&index=0> (дата обращения: 16.05.2024).

Тексты с переводами

1. Вкладная надпись:

Б(ж)твныа стрѣти великаго Бога Спса нашего Христа пренесены изо Цѣраграда смѣреномо архіепѣпмъ Діонисье(м)
(в) [с]тѹю архіепѣпью в Суздаль в Новгороде в Г(оро)дець подшаньѣм
многім і подвігом і споспѣщніки
(им)ѣа богоносныа отьца во Цріградѣ равно англмъ житѣ імуща прі
всѣстмъ патріасѣ Нїлѣ пр[і] веліком князі Дм[и]р
[т](р)[и] Костантіновїчѣ іже созда раку сію в честь і в славу стѣмъ стрѣтм сімъ
Хѣвам в лѣ ꙗсноє ѿчѣає индикта в стѣти(и)

Описки: *патріасѣ, подшаньѣм* (вм. *потщаньѣм*), *споспѣщніки* (вм. *споспѣшніки*)

Вкладная надпись была опубликована в научной литературе трижды: А.Г. Орловым (1952), Б.А. Рыбаковым (1964) и И.А. Стерлиговой (2000). Это, пожалуй, единственная надпись на ковчеге, сложности в прочтении которой связаны с плохой сохранностью текста: в шести местах соединения пластин болты крепления набиты прямо по тексту и закрывают несколько букв.

В трех публикациях и в нашем чтении по фотографии встречаются разночтения, приведем важнейшие из них:

1–2: *Діонисье(м в) [с]тѹю* АО: *Діонисъемъ в святую*; БР: *Діонисье[мъ] в с(ва)тую*; ИС: *Діонисье[...] стѹю*. В углу, закрытом болтом, явно нет места для трех букв (*мъ в*). Учítывая, что писец многократно опускает *ер* в конце слова во всех надписях, мы предполагаем, что и здесь он отсутствует.

3: *(им)ѣа* АО: *имѣа*; БР: *вса*; ИС: *[.]са*. С грамматической точки зрения правомерной можно считать лишь реконструкцию, предложенную А.О. Орловым, объясняющую творительный падеж слова *споспѣщніки* («и помощниками именя»). Видимые фрагменты предпоследней буквы, прочитанной Рыбаковым и Стерлиговой как *с*, вполне могут представлять собой перекладину и петлю от ятя. На месте первой буквы мы предполагаем *і*, так как, во-первых, в углу нет места для более широкой *и*, во-вторых, именно так записывается далее однокоренное слово *імуща*.

3–4: *Дм[ит](р)[и]* АО, БР: *Дмитріи*; ИС: *Дм[...]*. Сохранившиеся фрагменты позволяют восстановить местоположение букв *т* и *и*, и между ними возможно уместить лишь одну букву — *р*.

4: *в стѣти(и)* =БР; АО: *въ б тѣ*; ИС: *в стѣти*

Надпись дионисьевского ковчега — одна из наиболее развернутых древнерусских вкладных надписей, включающая в себя все традиционные элементы формуляра этого эпиграфического жанра: сообщение о времени создания

объекта, упоминание правящего князя, имя заказчика. В то же время структура этого летописного сообщения, как отмечала И.А. Стерлигова, выглядит несколько «неканонично» [Стерлигова, 1999. С. 283]. Попробуем сформулировать, в чем эта «неканоничность» проявляется и какую функцию выполняет отклонение от довольно устойчивого формуляра.

Структура древнерусских вкладных надписей на предметах последовательно не исследована, но если взглянуть на близкие к ковчегу памятники³, можно выделить несколько бросающихся в глаза особенностей летописи ковчега. Во-первых, необычным видится, что надпись начинается с названия реликвий, в то время как стандартный летописный зачин «въ лѣто...» здесь перенесен в конец. Кроме того, значительное место в ограниченном пространстве надписи занимает описание обстоятельств обретения реликвий — элемент, не встречающийся на других памятниках. Обе особенности находят объяснение в формуляре византийских дарственных надписей на реликвариях: традиционно они начинаются с воспевания святого или реликвий, которым посвящен предмет, вслед за тем называется имя донатора, его чин, его заслуга и обстоятельства создания реликвария [Hostetler, 2015. P. 137–145].

Однако важнейшее отклонение от заданной структуры, которое не находит прямых соответствий ни в древнерусских, ни в византийских источниках, заключается в том, что надпись фиксирует не одно, а два события: обретение реликвий и создание раки для них, при этом актором первого является Дионисий, а актором второго — нижегородский князь Дмитрий Константинович. Для объединения этих двух событий автор преобразует традиционную структуру и создает симметричную конструкцию: надпись начинается с названия самого дара — «страстей Христовых»; затем следует имя донатора — Дионисия — и описание его заслуги; в центре надписи отмечаются обстоятельства приобретения реликвий (помощь царьградских отцов) и лишь вслед за тем — великий князь и его дар (рака); в конце повторяется имя «страстей Христовых», и вся надпись объединяется летописной отметкой.

Характерно, что фигура Дионисия в этой сложной структуре явно занимает наиболее заметное место, в то время как имя Дмитрия Константиновича, по-видимому, выделившего средства на создание драгоценной раки, несколько теряется. Не случайно ковчег оказался прочно связан в историографии именно с личностью архиепископа. Объясняется этот эффект положением имени князя внутри формуляра надписи: Дмитрий Константинович упоминается в составе

3 Географически и функционально ближайшими, но несколько более поздними аналогиями можно считать надписи на ковчеггах-мощевиках из суздальского княжеского дома: княгини Марии (1410) [Николаева, 1971. С. 32] и князя Ивана Даниловича (1414) [Николаева, 1971. С. 34]. Из более ранних памятников можно учесть надписи на крестах, созданных на территории Великого Новгорода: Алексеевском кресте (1360–1388), поставленном современником Дионисия новгородским владыкой Алексием [Рыбаков, 1964. С. 45], Людогощинском кресте (1359) [Рыбаков, 1964. С. 43], а также новгородские надписи на других предметах, связанных с именами архиепископов: на потире архиепископа Моисея (1329) [Рыбаков, 1964. С. 41] и на Васильевских вратах (1336) [Рыбаков, 1964. С. 43].

формулы «при таком-то правящем князе», которая традиционно выполняет функцию обстоятельства времени, в то время как на месте имени донатора называется Дионисий. Очень вероятно, что ведущая роль в создании раки все же принадлежала архиепископу (несомненно его участие в разработке художественной программы и надписей ковчега), и упоминание князя здесь как основного заказчика — дань политической вежливости.

В то же время выдвижение Дионисия и его деятельности по перенесению Страстей Христовых на первый план обусловлено не только филологической хитростью архиепископа, но и естественной иерархией двух деяний: обретение святых реликвий — событие безусловно символически более значимое, чем создание драгоценной раки. Более того, приобретение реликвий такой высокой ценности и в таком внушительном количестве, несомненно, требовало от Дионисия большой политической сноровки и немалых денежных вложений. Схожее сопоставление ценности реликвии и мощевика для нее мы находим во вкладной надписи знаменитого креста Евфросинии Полоцкой 1161 г.: «чъстьюю дръво бесцѣнно естъ а кованьє его <...> въ ꙗꙗ гривнѣ» [Рыбаков, 1964. С. 32]. В надписи суздальского ковчега та же идея, выраженная более имплицитно, на композиционном уровне, позволяет особо выделить «подвиг» Дионисия в перенесении реликвий в рамках устойчивого формуляра вкладной надписи.

Проанализировав общую структуру надписи, попробуем теперь объяснить функцию единственного фрагмента надписи, выходящего за пределы базовой формульной информации — сообщения о помощи «богоносных отцов в Царьграде» в приобретении реликвий. Фрагмент этот выделяется за счет центральной позиции и особого художественного оформления: Дионисий награждает царьградских отцов двумя эпитетами: «богоносные» и «равно ангелам житье имущие» (=равноангельные). Оба эпитета занимают устойчивое место в христианской гимнографии в сочетании со «святыми отцами» — последний относится, в первую очередь, к монахам и церковным иерархам, которые «ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают как ангелы Божии на небесах» (Мф. 22:30)⁴.

Вероятно, делая это отступление, Дионисий стремился намекнуть на особую связь свою с константинопольской церковной элитой, в первую очередь — с упомянутым далее патриархом Нилом, отметившим его саном архиепископа и привилегией облачаться в многокрестную фелонь и пославшим на север Руси с церковными поручениями [Булычев, 2006. С. 105]. Упоминание

4 Евангельское употребление этого сочетания (Мф. 22:30; Мк. 12:25; Лк. 20:35–36) подразумевает состояние человека после воскресения и в основном в этом ключе трактуется в святоотеческой литературе. В то же время многие толкования позволяют приложить понятие «равноангельности» к безгрешному земному существованию, и в этой интерпретации оно прочно входит в христианскую гимнографию, где «равноангельными» / «равно ангелам живущими» могут называться святые и иерархи церкви даже при жизни (подробнее: [Ермилов, 2005. С. 55]). Именно из этой традиции, видимо, заимствует этот эпитет автор надписи.

патриарха во вкладной надписи, в отличие от упоминания правящего князя, — элемент не обязательный. Милость вселенского патриарха, безусловно, виделась Дионисием как один из главных рычагов его политического авторитета — не случайно имя патриарха упоминается семикратно в грамоте псковскому Снетогорскому монастырю, написанной Дионисием, и в приписываемом ему же повинном послании Дмитрию Донскому⁵. Упомянутое в надписи, имя патриарха легитимирует все действия Дионисия, а приобретение реликвий и создание драгоценного ковчега преподносится им как акт собственной архипастырской деятельности в соответствии с новым саном: особое внимание в надписи уделено перечислению центров новой епархии (Суздаль, Новгород, Городец), попавшей под управление Дионисия, в каждый из которых, по замечанию И.А. Стерлиговой, он привез важные реликвии [Стерлигова, 1999. С. 284].

Таким образом, вкладная надпись оказывается не просто летописным сообщением, но хитрым и многогранным политическим высказыванием, ясно очерчивающим положение Дионисия по возвращении из Константинополя.

2. Надпись вокруг креста:

В верхней части креста: Древо ж|животво|ращаг|о креот|а Гна

В нижней части креста: на не|мже | Хъ Бъ | расп*|атса (п)|лотью

В левой части креста: хота| спа|сти род че|ловѣч|ьскыи

В правой части креста: юмуже кла|няющеса с|пасаюмьса

Описки: *креота* (вм. *креста*), *спасаюмься* (вм. *спасаемься*)

Комментарий: Текст расположен по четырем сторонам от креста и читается в порядке совершения крестного знамения при благословлении.

А.А. Гиппиус в устном сообщении отмечал частичное совпадение текста крестопоклонной надписи с греческой стихотворной (двенадцатисложной) надписью на Филофеевской ставроветеке — реликварии константинопольской работы, появившемся в московском великокняжеском доме, по одной из версий, в 1376 г. [Стерлигова, 2000. С. 40], то есть незадолго до создания ковчега. Ср.:

:: ΖΩΗΦΟΡΟΝ ΠΕΦΥΚΕ ΤΟΥ ΣΤΑΥΡΟΥ:: ΞΥΛΟΝ ΕΝ ΩΠΕΡ
ΑΥΤΟΣ ΠΡΟΣΠΑΓΕΙΣ ΧΡΙΣΤΟΣ:: ΘΕΛΩΝ ΑΠΑΣΙΝ ΕΒΡΑΒΕΥΣΕ ΤΗΝ
ΣΩΤΗΡΙΑΝ:: ΘΗΚΗΝ ΙΩΑΝΝΗΣ ΔΕ ΤΕΥΧΕΙ ΝΥΝ ΠΟΘΩ («Се есть
Животворящее древо креста, на коем сам Христос волею распят, подавая всем
спасение. Реликварий изготовил с любовью Иоанн») [Там же. С. 39].

5 Фрагмент этот утрачен, но восстанавливается издателем: «аз же Дионисий, епископ Суздальский, поставлен есмь всесвятым патриархом вселенским в архиепископа; се же по судбам Божиим, аще недостойнъ...» [Православный собеседник, 1866. С. 247].

Вполне вероятно, что Дионисий мог видеть эту святыню до своего отъезда в Константинополь, и греческая надпись на ней послужила непосредственным источником подписи к частице Истинного креста.

В то же время общая структура надписи и отдельные коллокации, очевидно, воспроизводят фрагменты из славянского богослужения. Так, сочетание «плотью распныйся» — именно в той же возвратной форме, как и в надписи, звучит в разнообразных богослужебных текстах, в т.ч. во время службы Воздвижения Честного и Животворящего Креста: «Сїси ны, сїне бжїй, **плотїю распныйся**, поющыя ти: аллилуїа» [Минея праздничная, 14 сентября]. Эта коллокация имеет важное догматическое значение в контексте дискуссии о том, был Христос распят физически или «призрачно»: вопрос этот относится непосредственно к традиции поклонения страстным реликвиям, которые являются материальным свидетельством физических страданий Христа.

В рамках обращения к этому пласту догматики оказывается особенно важен источник сочетания «емуже кланяющеса», звучащего на службе Крестопоклонной недели, где подчеркивается божественная сила Крестного Древа: «Крѣтъ твой Хрѣсте, аще и древо видимо естъ существомъ, но бжѣственною ѡдѣяно естъ силою, и чувственнѣ мїрови являемъ, умнѡ наше чудотворитъ сїсеніе, **емуже кланяющеса** славимъ тя сїсе, помилуй насъ» [Октоих. Глас 5-й, среда]. Характерно, что тот же фрагмент цитируется на другом близком по времени памятнике, Алексеевском кресте, то есть, вероятно, является центральной и узнаваемой «крестной» ассоциацией из круга литургических текстов, связанных с этой реликвией.

Синтаксическая структура текста отсылает нас к ирмосу канона на праздник Воздвижения Креста Господня: «Ѡ треблѣженное **дрѣво, на немже распяся хрѣтось**, црѣь и гдсь: їмже падѣ, дрѣвомъ прельстївый, тобѡю прельстївса, **бгу пригвоздївшуса плѡтїю**, подающему мїръ душамъ нашымъ» [Ирмологий. Глас 8-й].

Эти наблюдения позволяют предположить, что либо надписи на ковчеге Дионисия и на Филофеевской ставроветеке имеют некоторый общий источник в литургической литературе или византийской эпиграфике⁶, либо Дионисий, опираясь на греческий текст константинопольского реликвария, использовал в своем вольном переводе знакомую богослужебную риторику.

Если принять второй вариант как основной, можно заметить в тексте надписи стремление автора сохранить стихотворность оригинала: несмотря на то что четыре строки надписи не образуют стройный силлабический стих

6 Некоторые аналогии надписи на ковчеге, впрочем, довольно неспецифичные, находятся на известных нам византийских реликвариях и предметах церковного обихода: ср. начало надписи на реликварии IX–XI вв., зафиксированной в манускрипте XII в.: Τὸ ζωοποιὸν καὶ σεβάζμιον ξύλον, ἐν ᾧ πέλονθε σαρχικῶς ὁ δεσπότης (Животворящее и чтимое древо, на коем Господь пострадал плотью) [Hostetler, 2015. P. 193–194], а также строку из эпиграммы на патене X в., хранящемся в соборе Сан-Марко: Χ(ριστο)ς γάρ ἐστι σαρχικῶς ἐσφαγμέν(ος) (Христос был распят плотью) [Rhoby, 2010. С. 264].

(неразвитый на Руси до XVII в.), количество слогов в них при самом грубом подсчете — если раскрывать сокращения, читать конечные *ai* и *yi* нестяженно и считать все отраженные на письме редуцированные — варьирует от 12 до 13. Учитывая, что при подсчете слогов текста на церковнославянском языке всегда есть доля казуистики⁷, такой разброс может указывать, по крайней мере, на установку автора на силлабику. В то же время синтаксический параллелизм второй и четвертой строк (*на немже — юмуже*) указывает на близость текста молитвословному стиху⁸, основным принципом стихотворности которого считаются «ритмические сигналы» — грамматически или синтаксически выделенные конструкции, указывающие на начало строки [Тарановский, 2000. С. 258]. Периоды с местоимением «иже» в разных формах характерны для церковных славословий, что позволяет рассмотреть это местоимение как один из привычных ритмических маркеров начала нового стихового раздела. Помимо прочего, ритмизованность тексту придают женские клаузулы в первых двух стихах и гипердактилические (или дактилические, если читать окончание стяженно и опустить *ep*) — в последних двух.

Стоит отметить, что это не единственный стихотворный текст, который можно связать с именем архиепископа Дионисия. Г.М. Прохоров указывал на переводной характер приписки к Лаврентьевской летописи, которая по содержанию соответствует стихотворному тексту, известному по греческим ямбическим колофонам XIII–XIV вв., и при делении на строки складывается в относительно стройный двенадцатисложник [Прохоров, 2014. С. 322–329]. Как уже отмечал А.А. Гиппиус [Гиппиус, 2022. С. 73], именно Дионисий, руководивший созданием этого списка летописи, мог подсказать монаху Лаврентию эту изящную форму.

В отличие от приписки Лаврентия, которую нужно поделить на строки, чтобы увидеть стиховые разделы, надпись на ковчеге представляет собой уникальный для древнерусской письменности пример текста с графическим членением на стихи. Подобная авторская установка на деление текста на «относительно короткие отрезки, соотносимые и соизмеримые между собой» [Гаспаров, 2001. С. 6], позволяет назвать текст стихотворным если не в строгом античном, то, по крайней мере, в современном понимании этого термина.

- 7 А. А. Илюшин отмечает, что, учитывая вариативность произношения редуцированных в литургической практике, при анализе древнерусских текстов «нет однозначных ответов на вопрос, принимать ли конкретный внутрисловный или конечный *ъ* или *ь* за гласный, и если принимать, то из какого количества слогов состоит слово или вся строка» [Илюшин, 2004. С. 9]. Кроме того, есть все основания полагать (см. раздел настоящей статьи о языке надписей), что орфография текста, написанного Дионисием, могла быть изменена мастером при нанесении, и те редуцированные, которые считались автором за слог, были опущены. Так, если предположить, что слово «род» было написано с конечным ером, то во всех строках оказывается по 13 слогов.
- 8 Термин неустойчивый, но регулярно применяющийся для описания способа поэтической организации церковных молитв и славословий, см. подробнее [Агапов, 2010. С. 7–24].

Впрочем, графическая организация ритмизованного текста не была изобретением Дионисия: как отмечает Б. Хостетлер, в греческих эпиграммах на реликвариях стиховые разделы обычно соответствуют форме объекта, на который они нанесены [Hostetler, 2015. P. 3]. Более того, отдельные примеры текстов, читаемых в порядке совершения крестного знамения, также находятся на византийских ставроотеках⁹, хотя в целом представляются явлением, скорее, необычным¹⁰.

В расположении разных частей текста по разным сторонам креста можно увидеть и сакральную логику: в нижней части креста говорится о распятии, то есть о земных страданиях Христа, а в левой — о спасении, то есть о Страшном Суде. Именно так в святоотеческой литературе трактуется смысл крестного знамения: направление сверху вниз означает схождение Христа на землю, а движение справа налево (в нашем случае лево и право рассматриваются с точки зрения ковчега как субъекта крестного знамения) — отделение праведников от грешников на Страшном Суде [Успенский, 2006. С. 42–43].

3. Криптограмма вокруг креста:

В верхней части креста: ФС | АН | ТМ
 В нижней части креста: Х(Х) | (ПВ) | [К] Л
 В правой части креста: ФМП | ПМР
 В левой части креста: ПСГ | ВКБ

Как убедительно показал А.А. Гиппиус, надпись следует читать побуквенно в порядке совершения крестного знамения, и представляет она собой три греческие тетраграммы с параллельными славянскими версиями [Гиппиус, 2022. С. 62]:

ФХФП: Φως Χριστοῦ Φαίνει Παῖσι
 С(Х)ПВ: Свѣтъ Христовъ Просвѣщаетъ Всѣхъ
 А(П)МС: Ἀρχὴ Πίστεως Μωσαϊκός Σταυρός
 Н(В)МК: Начало Вѣрѣ Моисеиский Крестъ
 Т[К]ПГ: Τόπος Κρανίου Παράδεισος Γέγονε
 МЛРБ: Мѣсто Лобное Раи Бысть

- 9 См. надпись «Ст(αυ)ρός Ἰ(ησοῦ)ῦ Χ(ριστοῦ) Ἰ(ησοῦ) τοῦ Θεοῦ» на реликварии XI в. из г. Бага [Hostetler, 2015. P. 90, 186] или надпись в форме креста на ставроотеке Никиты, известной по рисунку в манускрипте XVII в. [Ibid. P. 287].
- 10 Как было показано в исследовании Энрики Фоллиери, надписи, расположенные по периметру реликвария, обычно читаются в порядке верхняя-правая-левая-нижняя и в редких случаях в порядке верхняя-левая-правая-нижняя [Follieri, 1964. P. 447–467]. Можно заметить, что тот же порядок чтения сохраняется и в случае надписей, размещенных по четырем сторонам от креста (напр., на ставроотеке Ирины Дукины XII в. [Hostetler, 2015. P. 182, 265–267] и реликварии XII в. из Ватикана [Ibid. P. 187, 279–281]), хотя, казалось бы, эта форма располагает к способу чтения, выбранному Дионисием.

4. Надпись в верхней части креста:

Гсъ Хсъ
ника

5–21. Надписи вокруг оконца с реликвиями:

5. Левый верхний квадрат от креста, левая верхняя реликвия:
+ ароматы им же помазаша Христа и обивъше пъласщаницею
им] =ИС; БР: им[и]

Описки: им (вм. ими); пъласщаницею (вм. пъласщаницею)

Комментарий: Необычную форму слова *пъласщаницею* можно объяснить чисто прагматическими причинами: мастеру необходимо было растянуть слово, чтобы заполнить оставшееся до начального креста место. Слово написано более широкими, чем в других словах, буквами с большими пробелами, но, видимо, этого было недостаточно и мастер решил распространить слово. Вероятно, добавление *л* показалось мастеру оправданным по аналогии с отглагольными существительными с суффиксом *ниц* (напр., *кадильница*, *свещильница*)¹¹. Помимо этого, см. коммент. к надписи 17.

6. Левый верхний квадрат от креста, левая нижняя реликвия:
+ губа юже омочиша во оцетъ и напоиша Христа на кръсть распата

Описки: *распата* (вм. *распата*)

7. Левый верхний квадрат от креста, правая верхняя реликвия:
+ рица Христова нешвенаю юже сватаю Богородица съдѣла
съдѣла] БР: съдѣла[ала]; ИС: съдѣла

Комментарий: И Стерлигова, и Рыбаков не распознают букву *а* в конце надписи, при этом последний реконструирует окончание слова как совершенную форму *съдѣла[ала]*. Кажется, для этого нет никаких оснований: буква *а* читается вполне однозначно и является последней буквой перед крестом, образуя нормальную форму аориста, который автор надписей преимущественно использует в своих подписях к реликвиям.

8. Левый верхний квадрат от креста, правая нижняя реликвия:
+ кровь Христова прободеньемъ копья истекшиа ис пречистыхъ ребро

¹¹ Предположение Д.В. Сичиनावы.

9. Правый верхний квадрат от креста, левая верхняя реликвия:
+ камень гробный в немъ же положиша Христа цъсара небесного

10. Правый верхний квадрат от креста, левая нижняя реликвия:
+ власі исторгані брады Христа Бога и вода истекшиа із ребро на
распаты ::

11. Правый верхний квадрат от креста, правая верхняя реликвия:
+ отъ ризы сватыа Богородиці иже носаше і от чеснаго ея гроба
носаше] =БР; ИС: носаше

Описки: *иже* (вм. *юже*)

12. Правый верхний квадрат от креста, правая нижняя реликвия:
+ камень столъпа к нему же прива[з]авъше Христа и мучиша
и прива[з]авъше] БР: *привлавъше*; ИС: *привлазавъше*

13. Левый нижний квадрат от креста, левая верхняя реликвия:
+ вѣнецъ терновъ иже възложиша на всѣхъ иьсара Христа
вѣнецъ] =БР; ИС: *вѣнецъ*
терновъ] =ИС; БР: *терновы*
иьсара] БР, ИС: *цъсара* (описка)

Комментарий: Б.А. Рыбаков переводит слово *всѣхъ* как «висках», И.А. Стерлигова в свою очередь предполагает в этом слове пропущенный слог и читает его как «в(ла)сѣхъ». И то и другое прочтение, однако, не находят соответствие в источниках, где венец традиционно возлагается на главу, а не на виски или волосы Христа.

А.А. Гиппиус увидел еще одну возможную интерпретацию, не предполагающую описок: в рассматриваемой фразе проглядывает литургический перифраз имени Христа — «Царь всех» (ср. «Яко да Царя всех подыдем» из Херувимской песни), который встречается в богослужении, в т.ч. в инвертированной форме (ср. возглас «О Христе, всех царю!» в службе Сретения Господня). Вероятно, на текст надписи оказал влияние 15-й антифон Великого Пятка «Днесъ висит на древе», посвященный воспоминанию Страстей Христовых, где мы в том же смысловом контексте находим грамматически аналогичное сочетание: «венцем от терния облагается, Иже Ангелов Царь» [Триодь Постная, Великий Пяток]. Можно аккуратно предположить, учитывая внимание автора надписей к звуковому оформлению текстов (см. коммент. к надписям 14, 16), что замена слова «ангелов» на «всех» обусловлена стремлением усилить возникшую в тексте аллитерацию: *вѣнецъ-терновъ-възложиша-всѣхъ*.

14. Левый нижний квадрат от креста, правая верхняя реликвия:
+ лжаа порфира ею же облекоша Христа иже нево облачить облаки
нево облачить] =ИС; БР: *не вооблачить*

Комментарий: Описка в этой надписи стала причиной ошибочного словоупотребления в публикации Рыбакова, предложившего читать трудное место как «не вооблачить облаки». Перевод этой фразы в работе не приводится, но необычный глагол *въоблачити* вошел в СлДРЯ [СлДРЯ 1. С.197] со значением «одеть, покрыть».

Это заблуждение рассеяла И.А. Стерлигова, нашедшая соответствие надписи ковчега в богослужебной литературе — стихирах на поклонение Кресту службы праздника Воздвижения Честного Креста: «вънцѣмъ ѿ тернія ѡблагаетъся, покрываѣяй небо ѡблаки, одеждею ѡблачитъся поруганія» [Миня праздничная. 14 сентября].

Несмотря на то что стихиры Честного Креста, безусловно, являются важным фоновым текстом для надписей ковчега, более точно было бы сопоставить слова надписи с фрагментом из того же тропаря Великого Пятка, к тексту которого мы обращались в комментарии к предыдущей надписи, ср. по рукописям: «Въ лъжю парфиру облачиться облачааи небеса облакы»¹². Очевидно, автор надписи, называя реликвию «лжаа порфира», перефразировал непосредственно этот фрагмент богослужения.

Характерно, что на службе сразу за тропарем следуют три земных поклона на словах «Поклоняемся Страстем Твоим, Христе». Цитируя тропарь, автор, вероятно, ожидал от условного «читателя» надписи узнавания этого яркого места пятничной службы, которое функционально в точности соответствует страстному ковчезцу: читающий надпись на ковчеге ровно в этот момент поклоняется Страстям Христовым.

В надписи глагол изменен по сравнению с рукописями (транзитивный глагол *облекоша* вместо возвратного *облачиться*), что делает структуру предложения параллельной большинству остальных надписей: в них последовательно используется аорист 3 л. мн. ч., позволяющий подчеркнуть пассивную, «страдательную» позицию Христа. Кроме того, четырежды повторенное сочетание *об*, особенно на стыке слов: *небо облачить*, создает яркий звукописный эффект. Эти незаметные приемы позволяют автору в рамках малого текста создать художественно завершенную структуру.

15. Левый нижний квадрат от креста, левая нижняя реликвия:
+ кровь истекшаа изъ ребрь отъ иконы Христов[ѣ] иже въ Вуритѣ иконы] =БР, ИС: *иконѣ*

16. Левый нижний квадрат от креста, правая нижняя реликвия:
+ камень доски на немъ же Христа снемъ со креста полов обвиша камень] =БР, ИС: *камень*
полов] БР, ИС: *полово*

¹² РНБ, Соф.85. Л.116.

Комментарий: И в публикации Рыбакова, и в публикации Стерлиговой конец надписи прочитан как *полово обвиша*, при этом перевод этого бессмысленного сочетания ни в одной из работ не приводится. Если взглянуть на фотографии ковчега, остается неясным, где оба исследователя могли рассмотреть две буквы *о* на стыке слов: после внятной *в* следует широкая *о*, которую инскиптор последовательно использует в начале слов. Таким образом, в интерпретации нуждается слово *полов*. Предполагаемое значение его нам известно из контекста: сняв тело Христа с распятия, Иосиф обвивает его чистой плащаницей (Мф. 27:59, Мк. 15:46, Лк. 23:53). Судя по всему, перед нами слово *пола* в инструментальной функции с ошибочной заменой *ю* → *ѣ*¹³. Именно так этот фрагмент интерпретируется в СлДРЯ, где рассматриваемая надпись оказывается единственным примером, поясняющим слово *пола* — «кусочек ткани, полотнище», перевод греческого *σινδώνι*, используемого в соответствующих евангельских фрагментах [СлДРЯ, 2004. С. 65]. Исторический подкорпус НКРЯ позволяет обнаружить еще один пример использования слова *пола* в том же значении: «се же сѣднѣи еп(с)пъ Кириль оукраи сѣую цркъвь сѣтяа Бѣа· иконами многоцѣннѣи· ихже нѣ(с) мощи и сказати· и спре(д) **полы** рекше пелены» [ПСРЛ. Т.1. С.317]. Неслучайным совпадением может оказаться, что этот второй пример мы находим в тексте Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, в редакции которого принимал активное участие архиепископ Дионисий.

Недоумение в этой надписи может также вызвать сочетание *камень доски*, где генитив второго существительного задает неясные смысловые отношения между понятиями *камень* (камень миропомазания?) и *доска*. Д.В. Айналов, комментируя текст книги «Паломник» Антония Новгородца, отмечает, что слово *доска* по отношению к камню миропомазания последовательно используется разными авторами хождений: «досками наши паломники называли такие предметы, которые производили на них впечатление плоского отделанного камня, называвшегося, однако, по-гречески просто *λίθος*» [Айналов, 1906. С. 249–250]. По-видимому, в надписи ковчега *доска* является непосредственным обозначением реликвии (камня миропомазания), а *камень* означает лишь «фрагмент каменного объекта».

Точно в таком же значении слово *камень* используется еще в трех надписях: 9, 12 и 19, и соположение этих текстов выявляет необычную грамматическую особенность: относительное местоимение *иже*, которым вводится пояснение к реликвии, согласуется во всех случаях со словом *камень*, а не со словом, означающим, собственно, реликвию. Однозначно этот эффект заметен в двух случаях, где слово *камень*, означающее в этой партитивной конструкции часть, и название реликвии, означающее целое, имеют разные грамматические показатели: «камень доски на немъ же» и «камень яслии Хвѣхъ в немъ же»,

¹³ А.А. Гиппиус предложил в качестве альтернативной интерпретации рассмотреть возможность более естественной описки: *ѣ* → *в* и читать эту фразу как *по лоб обвиша*. Сочетание это, однако, не находит соответствия в источниках.

однако можно его предполагать и в двух неверифицируемых случаях, где оба слова муж. рода ед. ч. («камень гробный в немъ же» и «камень столъпа к нему же»). Эту грамматическую алогичность можно объяснить принципом синекдохи, составляющим онтологический смысл частицы реликвии как объекта поклонения: фрагмент священного предмета полноценно замещает сам предмет, и пришедший поклониться должен верить, что Христос был привязан буквально к тому самому «камню», который заключен в мощевике.

Наконец, стоит обратить внимание на изящный поэтический прием в центре надписи — двойную внутреннюю рифму: «на немъ же Христа снемъ со креста». Заимствуя форму причастия из знакомого богослужебного контекста (службы Погребения Плащаницы: «Блгообразный Іѡсифъ, съ дрѣва снѣмъ пречѣстое твоѣ тѣло, плащаницею чѣстоу ѡбвѣвъ» [Октоих. Глас 2-й, воскресенье]), автор надписи сочетает ее с функциональным местоимением и усиливает этот чисто звуковой эффект этимологической рифмой *Христа–креста*. Пожалуй, это наиболее очевидный пример стремления автора надписей поэтизировать свои небольшие тексты.

17. Правый нижний квадрат от креста, левая верхняя реликвия:
+ хитона Господа нашего Исусъ Христа еже нарчетса срачица

Хитон — калька с греческого χιτών, используемого в Евангелии от Иоанна для обозначения тканой, бесшовной нижней одежды Христа, которая по жребию досталась одному из воинов, распявших Иисуса. Именно так переводится это слово в ранних славянских рукописях и последовательно используется исключительно в этом значении [Чурилина, Позднякова, 2022. С. 259]. В то же время соответствующая реликвия называется в другой надписи (№ 7), где она обозначена как *риза нешвенная*.

И.А. Стерлигова считает, что в обоих медальонах была заключена одна и та же реликвия [Стерлигова, 2000. С. 50]. С лингвистической точки зрения с этим сложно не согласиться: сфера употребления слова *хитон* в славянских рукописях фактически ограничена указанным контекстом, никакая другая одежда не могла так обозначаться; в свою очередь, эпитет *нешвенная* по отношению к ризе (хотя это слово может означать одежду вообще — ср. псалом 21:19: «Разделиша ризы мои и об одежде моей меташа жребий») не оставляет сомнений, что подразумевается не часть поделенной между воинами верхней одежды, а именно нижняя сорочка Христа, по преданию сотканная Богородицей.

Такое раздвоение реликвии может объясняться существованием нескольких предметов, претендующих на роль истинного хитона Христова: по разным преданиям, известным к XIV в., три разных «нешвенных хитона» хранились в Трирском соборе, в церкви Архантея и в Мцхетском Патриаршем соборе в Грузии. Возможно, Дионисию удалось достать частицы двух разных хитонов, и чтобы подчеркнуть их различие, он поместил их в двух разных оконцах.

Недоумение вызывает и третье слово для обозначения того же объекта — *срачица*, нижняя нательная одежда [СлДРЯ, 2016. С. 463]. Хотя значение его совпадает со значением слова *хитон*, в переводах Евангелий и богослужении оно нигде не используется в рассматриваемом контексте. Возникает вопрос, почему характеристикой этой важнейшей реликвии оказывается определение через синоним.

Косвенный ответ можно найти в более позднем тексте, XVII в. — Сказании о даре шаха Аббаса России, повествующем о перенесении Ризы Господней из Персии в Москву. Автор текста последовательно употребляет для обозначения реликвии слово *срачица* и несколько раз — *риза*. Лексема *хитон*, в свою очередь, используется при передаче рассказа келаря Иоанникия, грека по происхождению, при этом автор подробно поясняет, какая именно одежда под этим словом подразумевается, и отмечает, что слово это греческое: «А словет по греческому языку хитон» [Гухман, 1974. С. 260]. То есть автор XVII в. рассматривает слово *хитон* как сугубо книжный грецизм и не ожидает, что читателю оно будет знакомо.

Судя по всему, автор надписи на ковчеге также использует слово *срачица* для пояснения неясного обычному человеку грецизма. Комментарий к реликвии в таком случае оказывается чисто словарным¹⁴: «Хитон господа нашего Иисуса Христа, как [по-гречески] называется сорочка». Вероятно, слово *хитон* при этом — по аналогии со своими синонимами — приобретает форму женского рода, ни в каких других источниках не зафиксированную. Можно, однако, объяснить эту форму как генитивную и предположить, что мастер опустил предлог *отъ* (ср. *отъ ризы свлтѣна Богородици* в надписи 11).

Стоит принять во внимание и еще один семантический пласт слова *срачица*: так называется нижнее облачение святого престола, символизирующее плащаницу, которой обернули Христа, снятого с распятия. Возможно, значение это тоже сыграло свою роль. Плащаница — важнейшая из страстных реликвий — отсутствует среди святынь ковчега: вероятно, Дионисию не удалось ее достать. Тем не менее называется она несколько раз: *пласщаница* (выделенное графически и композиционно) (надпись 5), *пола* (надпись 16) и — здесь, косвенно — *срачица*. Во всех случаях упоминание плащаницы не обосновано внешней необходимостью: она является лишь одной из деталей контекста, в котором существует другая реликвия (ароматы и камень мирропомазания). Создается впечатление, что Дионисий, «муж хитр, премудр, разумен» [ПСРЛ. Т. 15. С. 105], стремится добавить эту важнейшую отсутствующую реликвию хотя бы на уровне слова, точно так же, как на уровне слова он разделит неделимое одеяние Христа на два окошка: ризу и хитон.

¹⁴ В том же глоссовом значении синтаксическая конструкция из надписи используется, например, в тексте Киевской летописи: «изморagdъ. еже нарчетьса дорогии камень» [ПСРЛ 2. С. 484].

18. Правый нижний квадрат от креста, правая верхняя реликвия:
+ трость ею же биша по главѣ Христа на и же и губу взнесоша

Описки: *на и же* (вм. *на неи же*)

19. Правый нижний квадрат от креста, левая нижняя реликвия:
+ камен аслии Хвухъ в нем же обрѣтше волсви яко цсарю
поклонишася

20. Правый нижний квадрат от креста, правая нижняя реликвия:
+ другое арамо еже принесоша Марфа и Мариа и помазаша Христа
Перевод: Другой аромат, который принесли Марфа и Мария и помазали
Христа
Марфа] =БР; ИС: *Марфаа*

Комментарий: Обращает на себя внимание необычное слово *арамо*, зафиксированное в древнерусских источниках в среднем роде только в этой надписи [Крысько, 2015. С. 317]. По-видимому, форма эта возникла как окказиональная калька с греческого $\acute{\alpha}\rho\omega\mu\alpha$ с метатезой, позволяющей передать в русском языке средний род оригинала. Подобные грецизмы, вероятно, были вообще характерны для языка архиепископа Дионисия, прослужившего три года при константинопольском дворе, выполняя функции переводчика: в двух дошедших до нас грамотах, написанных Дионисием, публикатором отмечаются «неправильности в образе выражения», «растянутые периоды», из-за которых текст кажется переведенным с греческого [Православный собеседник, 1866. С. 246].

21–24. Надписи при изображениях в центре квадратов

21. Левый верхний квадрат:

веде
н
ѣ
цр
їс̄ |ім.| х̄с̄
н
а |ім.| к |ім.| к̄рт

Комментарий: Надпись расположена сложным образом по трем сторонам от креста, с разрывами внутри слов и при этом складывается в логичную фразу: «Ведение царя Иисуса Христа на {к} крест». Нелинейность записи, нагромождение букв одна на другую и дублирующаяся буква *к*, казалось бы, написанная дважды по ошибке, создают впечатление хаотичности композиции надписи. Тем не менее стоит обратить внимание на расположение повторяющейся буквы *к* — с другой стороны креста от буквы *н*. Можно предположить,

что эти буквы, несмотря на отсутствие над ними титл, были призваны обозначать аббревиатуру $\bar{\eta}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\alpha}$ ¹⁵, которая дважды возникает на ковчеге: в верхней части крестного древа и на изображении распятия в правом верхнем квадрате ($\bar{\eta}\bar{\iota}\bar{\kappa}$). Если принять это прочтение, то вся словесная композиция верхней части ковчеха оказывается усилена этим троекратным повторением: «Иисус Христос побеждает».

Более того, остальные слова надписи также занимают свое логичное место в крестной композиции: лигатура цр расположена на самом верху, оказываясь на месте слов *царь славы*, а ниже, по сторонам креста, на своем обычном месте, располагается монограмма $\bar{\Gamma}\bar{\varsigma}\bar{X}\bar{\varsigma}$.

Таким образом, автор изображения включил все необходимые «крестные словеса» внутрь законченной фразы, обозначающей сюжет. В результате эта надпись, на первый взгляд кажущаяся менее аккуратно исполненной, чем другие, оказывается еще одним элементом изящной словесной игры, подобно центральной криптограмме.

22. Правый верхний квадрат:

цр̄
слав
 $\bar{\Gamma}\bar{\varsigma}\bar{X}\bar{\varsigma}$ |ім.| $\bar{\eta}\bar{\iota}\bar{\kappa}$
распа|ім.|те
Хтво

23. Левый нижний квадрат:

снат|ім.|ю со к

24. Правый нижний квадрат:

полож|ім.|н̄н̄е
въ т

ИС: *положн̄е въ г* (описка)

24–27. Надписи в полукружиях

25. Верхнее полукружие:

Текст 1:
възнесен̄е |ім.| Христовъ
Текст 2:
 $\bar{\Gamma}\bar{\varsigma}\bar{X}\bar{\varsigma}$

15 Буква *а*, считываемая на первый взгляд как часть предлога *на*, также вписывается в эту аббревиатуру, которая могла состоять из двух, трех или четырех букв — ср. примеры употребления этого сокращения на других памятниках [Авдеев, 2009. С. 107–108].

26. Нижнее полукружие:

Текст 1:

вѣск|ім.|ресеніе рѣвъ

Текст 2:

Г̃с̃ Х̃с̃

Описки: *рѣвъ* (вм. *хрѣвъ*)

27. Левое полукружие:

Вхо^а в Юрха^м

ЛИМ

Комментарий: Повторение слога *ли* можно считать опиской: мастер начал писать буквы сверху, пытаясь уместить их на небольшом пространстве, а потом перешел на нижнюю строку. Для необычной формы *Юрха* можно тоже предложить чисто техническое объяснение: вероятно, в рукописном тексте-черновике «склеились» буквы *у* и *с*, и мастер, недолго думая, перенес получившийся гибрид на пластину.

28. Правое полукружие:

Текст 1:

се мѣсто и|ім.|же |ім.| бѣ |ім.| польжено

Текст 2:

камене

бѣ] ИС: *вѣ*

Описки: *и же* (вм. *иде же*)

Источники надписей

Как видно из комментариев к отдельным надписям, риторика этих текстов в целом обусловлена богослужебной традицией, связанной с почитаемыми реликвиями, в первую очередь самим Животворящим Крестом. Тексты построены на цитатах и реминисценциях из службы третьей недели Великого Поста, посвященной поклонению Кресту (надпись 2), из службы погребения Плащаницы (надпись 16), из службы Великого Пятка, посвященной Страстям Христовым (надписи 13, 14) и др.

Функции цитирования при этом не ограничиваются простым воспроизведением устойчивых коллокаций: отдельные слова и выражения призваны актуализировать пласт текстов, вариациями на тему которых являются надписи на ковчеге. Так, можно заметить, что стихиры на поклонение Кресту службы Воздвижения Креста и 15-й антифон Великого Пятка, являющиеся источником надписи 14, объединены общим художественным принципом, который воспроизводится в ряде подписей к реликвиям. В обоих фрагментах перечисляются

страдания Христовы, и в каждом случае перифрастическое обозначение Христа оказывается мотивно связано с орудием истязания: «Днесъ висит на древе, Иже на водах землю повесивый: венцем от терния облагается, Иже Ангелов Царь: в ложную багряницу облачается, одеваяй небо облаки» [Триодъ Постная, Великий Пяток]; «желчи и оцта вкушает сладость церковная», «заушается брэнною рукою рукою создавый человека» [Минея Праздничная, 14 сентября].

В двух надписях, посвященных упоминаемым в этих текстах святыням — терновому венцу и багрянице — способ обозначения Христа обусловлен тем же парадоксом. Терновый венец возлагается на голову «всех царя» Христа, которому, очевидно, полагается корона. В «ложную порфиру» облачают того, кто обладает силой «облачать небо облаками». Схожий эффект создается в надписи о гробном камне, где классическое обозначение Христа как «цесаря небесного» вступает в антитетические отношения с характером самой реликвии — камня гробного.

Описанный прием является структурообразующим для ряда антифонов Великого Пятка и восходит к «Слову о Пасхе» Мелитона Сардийского¹⁶, где он используется как способ художественного выражения догмата о двойственной природе Христа и прославления Страстей Христовых. Ненавязчиво воспроизводя эту форму, Дионисий подчеркивает смысл страстного ковчежца как объекта поклонения: реликвии, напоминающие о Страстях Христовых, являются физическим символом божественной силы Христа, и им свойственна та же двойственность физического и божественного.

Эта идея становится особо видна в свете фрагмента из службы поклонения Кресту, реминисценцию из которого мы находим в надписи вокруг креста: «Крѣсть твой Хрѣсте, аще и древо видимо естъ существомъ, но бѣжественною ѡдѣяно естъ силою, и чувственнѣ мірови являемъ, умно наше чудотворить сѣсеніе, емуже кланяющесе славимъ тя сѣсе, помилуй насъ». Угадывая за словами «емуже кланяющесе» этот фрагмент службы, читатель надписи должен вспомнить весь догматический контекст почитания Честного Креста и страстных реликвий.

Таким образом, надписи, сопровождающие реликвии, не просто несут пояснительную функцию, но оказываются теологическим высказыванием, варьирующим мотивы литургических текстов, связанных с традицией поклонения этим реликвиям.

Палеография и язык надписей

О палеографии и языке надписей в литературе мало упоминаний, так как надписи не становились объектом лингвистического исследования и использовались лишь в качестве дополнительного аргумента при решении искусствоведческих вопросов. Так, Т.В. Николаева пишет о единстве эпиграфических

¹⁶ Ср.: «Повесивший землю (на водах) был повешен (на древе), распростерший небеса был распростерт (на кресте), вся утвердивший был утвержден на древе» [Творения св. Мелитона, 1999. С. 529].

признаков надписей на среднике и на полукруглых выступах, что служит главным доказательством ее тезиса о одновременности создания разных частей ковчега [Николаева, 1976. С. 29–30]. И.А. Стерлигова в свою очередь, со ссылкой на устную консультацию Л.М. Костюхиной, предлагает различать почерк двух разных мастеров: «Одному из них принадлежит летопись и надпись вокруг оконца, второму — надпись слева и, возможно, справа от креста» [Стерлигова, 1999. С. 283].

Язык надписей Б.А. Рыбаков характеризует как «не новгородский», аргументируя этот вывод отсутствием примеров цоканья [Рыбаков, 1964. С. 47]. Соглашаясь с Рыбаковым, Т.В. Николаева, защищавшая версию о создании ковчега мастерами псковско-новгородской школы, предполагает, что отсутствие новгородизмов обусловлено тем, что «надписи сделаны самим Дионисием, так как только он знал состав своих „святынь“ и только он мог быть автором „летописи“, где он упоминает себя и своего нижегородского князя». И.А. Стерлигова, следуя за предшественниками, описывает язык надписей как «церковнославянский, изысканно книжный язык, без каких-либо признаков локальных русских говоров» [Стерлигова, 1999. С. 283] и отмечает, что надписи, «отличающиеся изяществом слога и пространностью, могут быть несомненно включены в корпус литературных произведений Дионисия Суздальского» [Стерлигова, 2000. С. 50].

В целом с основными утверждениями можно согласиться: в надписях последовательно и верно используются книжные грамматические формы и церковнославянская лексика, их содержание, изысканность и пространность указывают на вероятное авторство Дионисия. И все же стоит сделать несколько оговорок.

Во-первых, один потенциальный новгородизм можно заметить в надписи 15: отъ иконы Христов[ѣ], — флексия ѣ вместо ѓ в род. пад. ед. ч. склонения на *а, ja¹⁷. Место это слегка повреждено трещиной, однако все публикаторы читают его единогласно, так как в месте раскола видна черта от поперечной перекладки ѣ. Едва ли это одиночное проявление новгородской морфологии может быть серьезным аргументом в пользу новгородской версии происхождения ковчега, убедительно опровергнутой И.А. Стерлиговой. Однако, учитывая стилистические аргументы Т.В. Николаевой, оно, по крайней мере, позволяет предполагать участие новгородского мастера / мастеров в создании раки.

Во-вторых, несмотря на «изысканно книжный язык», относительно часто в надписях можно заметить эффекты бытовой орфографии. Более последовательно они встречаются в менее аккуратных подписях к изображениям в квадратах и полукружиях, однако два примера мены Ъ → О находятся во вкладной надписи, и два — среди подписей к реликвиям. Приводим все случаи:

17 И.А. Стерлигова читает то же окончание в слове «иконѣ», что, однако, не соответствует действительности.

Ъ → О

(1) смѣренымъ → смѣренимо

(1) Новѣгородъ → Новѣгородо

(8+10) ребръ → ребро (при этом в надписи 14 — ребръ)

(28.1) положенъ → польжено

О → Ъ

(25+26) Христово → Христовъ

(28.1) положенъ → польжено

Ь → Е

(28.2) камень → камене

Кроме того, стоит отметить ряд описок:

(1) патріасѣ

(1) подшаньѣм (вм. потицаньѣм)

(1) спосѣщніки

(2) креота

(2) спасаюмъся

(6) им (вм. ими)

(6) распата

(10) брады (вм. изъ брады)

(13) иьсаря

(14) нево

(16) полов (вм. полою)

(17) хитона (вм. отъ хитона)

(19) камен

(18) на и же (вм. на неи же)

(24) положные въ т

(26.1) рѣвъ

(27) Ерхалилим

(28) и же (вм. иде же)

Большинство из этих описок объясняется чисто техническими причинами (замена на схожую по написанию букву / пропуск буквы), однако обращают на себя внимание две грамматические ошибки в союзных конструкциях (неправильные формы местоимения *иже*), а также пропуск предлога в двух случаях. Кроме того, стоит отдельно отметить два случая мены *ш/щ*. Этот эффект отмечается исследователями в ряде рукописей [Мольков, 2021] и берестяных грамотах (в виде неразличения двух графем) [Зализняк, 1999. С. 595], и, как показал Г.А. Мольков, предположительно, носит графико-орфографический характер (большинство ошибок приходится на суффиксы причастий). На фоне этих замечаний представляется интересным, что инскриптор ковчега верно записывает суффиксы причастий и аористов, а ошибки приходятся именно на

корни слов. Вероятно, грамматические правила написания суффиксов были усвоены мастером и ему не приходилось опираться на собственное произношение, в то время как этимологически верное написание корней не самых частотных слов вызвало у него затруднение.

Обобщая сказанное, следует предположить, что тексты надписей, в т.ч. подписей к изображениям (см. коммент. к надписи 21), с их правильным книжным языком и литургическими реминисценциями были составлены непосредственно архиепископом Дионисием. В то же время эффекты бытовой орфографии и опечатки, явно носящие окказиональный характер, вероятно, проявились во время нанесения надписей и характеризуют языковые особенности мастера (мастеров), а не автора текстов.

Синтаксис и стиль надписей

Синтаксис надписей вокруг оконца обусловлен необходимостью уместить название и характеристику реликвии в коротком сообщении заданной длины (длина надписей варьирует от 45 до 61 символа). Необходимая длина текста достигается с помощью нескольких приемов:

1. Упоминание двух реликвий в одной надписи (надписи 10, 11)
2. Использование расширенного перифрастического имени Христа (надписи 9, 13, 14, 17)
3. Расширение предложения за счет причастия (надписи 5, 12, 16, 19) или однородного сказуемого (надписи 6, 18, 20)

В целом синтаксис надписей сводится к двум базовым конструкциям:

1. Название реликвии + относительное придаточное предложение с аорисмом, вводимое союзным словом *имже* (исключение составляют надпись 11 с имперфектом и надпись 17 с презенсом)
2. Название реликвии + причастный оборот

В двух более пространственных надписях — летописи и подписи к частице Истинного Креста — сохраняется тот же принцип: сначала называется имя реликвии (как важнейший элемент, который необходимо воспроизвести в слове в первую очередь), далее следует пояснение. Отчасти стремлением соблюсти это конструктивное единство объясняется необычность композиции вкладной надписи, о которой мы упоминали в соответствующем комментарии.

Выбор конструкции, с одной стороны, обусловлен чистой прагматикой — необходимостью дать пояснение к объекту, с другой — вызывает ассоциации с синтаксисом литургических славословий, в частности — славословий Кресту («имже спасение нам Христос подает», «имже тля разорися и упрзднися», «егоже плода причастившеся, нетление улучихом» и т.д.).

Конструкция с причастным оборотом используется во всех случаях (надписи 8, 10, 15) с глаголом *истещи* (и один раз — с параллельным ему *исторгати*), который в сочетании с «кровью Христовой» встречается в богослужении именно в форме причастия (из наиболее значимых фрагментов — ср. начало шестого ирмоса канона, поемого на глас четвертый: «Пожрѹ ти со глѣсомъ хвалѣнїя гдѣи, црковъ вопїеть ти, ѿ бѣсовскїя крове ѡчищшїся, рѣди млѣти ѿ рѣбрь твоїхъ истѣкшею кровїю» [Ирмологий. Глас 4-й]).

Говоря о стиле надписей ковчега, стоит еще раз обратить внимание на несомненное стремление автора поэтизировать свои тексты. В надписях используется целый ряд разнообразных приемов для художественной организации текстов в рамках малого словесного пространства: аллитерация (надписи 13, 14), рифма (надпись 16), лексический повтор (надпись 14), синтаксический параллелизм (надпись 2), и даже можно предположить установку на силлабический стих.

Кроме того, графическая организация текста оказывается частью семантики надписей, поднимая разные пласты значений символов креста (надписи 2, 3, 21) и круга. Как отметила И.А. Стерлигова, само чтение надписей «уже есть моление святыне» [Стерлигова, 1999. С. 290]: следуя надписям вокруг креста, читатель совершает крестное знамение, а обращаясь к надписям вокруг оконца, вынужден обойти каждую реликвию по кругу, как при церковном обряде [Успенский, 2006. С. 117]. Побуждение читателя к ритуальному действию заключено и в литургическом подтексте, как было показано в комментарии к надписи 14: цитируемый фрагмент вызывает в памяти следующий за ним троекратный поклон, который символически совершает читатель, читая надписи, то есть поклоняясь реликвиям.

Подводя итоги, перечислим еще раз выделенные нами особенности надписей ковчега, позволяющие говорить об однозначном авторстве Дионисия Суздальского и рассматривать эпиграфический комплекс памятника как значительное произведение древнерусской письменности:

1. Дипломатическая функция вкладной надписи, композиция которой призвана подчеркнуть новый статус Дионисия по возвращении из Константинополя.
2. Стихотворный аспект надписи вокруг креста, которая оказывается уникальным для древнерусского периода примером ритмизованного текста с графическим делением на стихи.
3. Звукописные приемы, используемые для создания поэтического эффекта в ряде надписей.
4. Продуманная графическая композиция надписи внутри изображения, где буквенный материал пояснительной подписи к сцене Ведения на Крест, будучи размещенным вокруг креста, приобретает функцию *verba sacra*.
5. Графическая организация надписей как инициатор ритуального движения читателя (по кругу и по направлению крестного знамения).
6. Использование цитат и реминисценций из обширного поля богослужебных текстов, связанных с поклонением размещенным в ковчеге реликвиям.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А. Г. Из истории древнерусской эпиграфики и ставрографии. К вопросу о происхождении и развитии буквенных акронимов на Голгофских крестах в Древней Руси // Проблемы теологии. Вып. 5. Материалы 5-й Междунар. богословской науч.-практ. конф. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2009. С. 103–162.
- Агапов А. В. В поисках существенных дефиниций молитвословного стиха // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2010. № 20. С. 7–24.
- Айналов Д. В. Примечание к тексту книги «Паломник» Антония Новгородца // Журнал министерства народного просвещения (новая серия). 1906. Ч. 3. № 6. С. 233–276.
- Булычев А. А. Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений 2-й половины XIV столетия: Судьба свт. Дионисия Суздальского // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 87–121.
- Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортуна Лимитед, 2001. 288 с.
- Гиппиус А. А. Криптограмма Дионисия Суздальского // Вестник Сектора древнерусского искусства. 2022. № 2. С. 64–79.
- Гухман С. Н. «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 255–270.
- Ермилов П. В. Понятие «равноангельности» в святоотеческой традиции // Богословский сборник. 2005. № 13. С. 55–100.
- Зализняк А. А. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 543–576.
- Илюшин А. А. Русское стихосложение. М.: Высшая школа, 2004. 239 с.
- Ирмологий. М.: Синодальная тип., 1913. 239 с.
- Крысько В. Б. Дополнения к Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.) // ОСМЬ ДЕСЯТЬ: Сб. науч. ст. к юбилею И. С. Улуканова. М.: Азбуковник, 2015. С. 315–336.
- Минейя Праздничная. Донской монастырь. М.: Изд. отд. Московской Патриархии, 1993. 257 с.
- Мольков Г. А. Смешение букв ш и щ в письме новгородского писца Матфея // Sub specie aeternitatis: Сб. науч. ст. к 60-летию Вадима Борисовича Крысько / Отв. ред. И. М. Ладыженский, М. А. Пузина. М., 2021. С. 143–151.
- Позднякова Н. В., Чурилина Л. Н. ΙΜΑΤΙΟΝ И ΧΙΤΩΝ: Особенности перевода в славянских памятниках XI в. // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2022. № 4. С. 256–262.
- Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М.: Изогиз, 1937. 395 с.
- Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — начала XVI в. / Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–49. М.: Наука, 1971. 194 с.
- Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976. 288 с.
- Октоих сиречь Осмогласник. В 2 ч. М.: Изд. Московской Патриархии, 1981. 208 с.
- Орлов А. С. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л.: АН СССР, 1952. 238 с.
- Памятники Древле-Русской духовной письменности: Повинное послание св. Дионисия, архиепископа Суздальского, к великому князю Димитрию Иоанновичу Донскому, 1383 года // Православный собеседник. Казань, 1866. Кн. 1. С. 239–246.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1. 2-е изд. СПб.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. 379 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / Под ред. А. А. Шахматова. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 638 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., [б. и.], 1922. VIII, 186 с.

- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2014. 416 с.
- Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука, 1964. 48 с.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I (а — възаконѣти) / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988. 530 с.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. VII (поклепань–пращюурь) / РАН. Ин-т рус. яз.; гл. ред. В. Б. Крысько. М.: Рус. яз., 2004. 512 с.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. XI (свѣне — стагь) / РАН. Ин-т рус. яз.; гл. ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2016. 744 с.
- Стерлигова И. А. Ковчег Дионисия Суздальского // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 1999. С. 280–303.
- Стерлигова И. А. Новозаветные реликвии в Древней Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле. М.: Радуница, 2000. С. 19–93.
- Тарановский К. Ф. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI–XIII вв. // О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. М.: Языки славянских культур, 2000. С. 257–274.
- Творения св. Мелитона, еп. Сардийского. О Пасхе. О душе и теле. Фрагменты / Пер. с греч. А. Г. Дунаева // Сочинения древних христианских апологетов. СПб.: Алетейя, 1999. С. 520–694.
- Триодъ Постная. В 2 ч. М.: Изд. Московской Патриархии, 1992. 800 с., 384 с.
- Успенский Б. Л. Крест и круг: из истории христианской символики. М.: Языки славянских культур, 2006. 488 с.
- Follieri E. L'ordine dei versi in alcuni epigrammi bizantini // Byzantion. 1964. No. 34 (2). P. 447–467.
- Hostetler B. A. The function of text: Byzantine reliquaries with epigrams, 843–1204. Diss. Tallahassee, The Florida State University, 2016. 342 p.
- Rhoby A. Byzantinische Epigramme auf Ikonen und Objekten der Kleinkunst // Veröffentlichungen zur Byzanzforschung. Bd. 23. Wein: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010. 539 p.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Надписи на ковчеге Дионисия Суздальского: филологический комментарий

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лащук Светлана Аркадьевна — стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., д. 21/4, Москва, Российская Федерация, 105066. svetalashch@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье представлен филологический анализ комплекса надписей на реликварии Дионисия Суздальского (1383 г.): приведены уточненные прочтения всех надписей, прояснены «темные места» и дана общая характеристика круга источников, языка и синтаксического устройства этих текстов. Показано, что надпись вокруг креста опирается на традицию византийских эпиграмм на реликвариях и имеет черты стихотворного текста, а подписи к частицам реликвий строятся на цитатах и реминисценциях из богослужебных текстов, связанных с традицией поклонения страстным реликвиям, причем отсылки к этим текстам призваны обозначить смысл страстного ковчежца как объекта почитания. Анализ композиции вкладной надписи, выходящей за пределы как русского, так и византийского формуляра, позволяет выявить заключенный в ней выгодный Дионисию политический посыл.

Ключевые слова

Древнерусская вещевая эпиграфика, ковчег Дионисия Суздальского, вкладная надпись, надписи на реликвариях, литургические цитаты.

Title

Inscriptions on the Reliquary of Dionysius of Suzdal: Philological Commentary

Author

Lashchuk, Svetlana Arkadyevna — research assistant, HSE University, Staraya Basmannaya Ulitsa, 21/4, 105066 Moscow, Russian Federation. svetalashch@gmail.com

Abstract

The article presents a philological analysis of the complex of inscriptions on the reliquary of Dionysius of Suzdal (1383). Detailed readings of all inscriptions are provided, “dark places” are clarified, and a general characterization of the circle of sources, language, and syntactic structure of these texts is given. It is shown that the inscription around the cross relies on the tradition of Byzantine epigrams on reliquaries and has features of a poetic text, while the inscriptions on the relics are built on quotations and reminiscences from liturgical texts related to the tradition of venerating Passion relics. References to these texts are intended to emphasize the meaning of the Passion reliquary as an object of worship. The analysis of the composition of the dedicatory inscription, going beyond both the Russian and Byzantine formulas, allows identifying a favorable for Dionysius political message enclosed in it.

Keywords

Old Russian epigraphy on objects, reliquary of Dionysius of Suzdal, dedicatory inscription, inscriptions on reliquaries, liturgical quotations.

References

- Agapov A.V. In Search of Essential Definitions of Prayerful Verse. *Vestnik PSTGU (Saint Tikhon's Orthodox University Bulletin). Seriya 3: Filologiya (Series 3: Philology)*, 2010, no. 20, pp. 7–24 (in Russian).
- Avanesov R.I. (ed.) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) (Dictionary of Old Russian Language (11th–14th centuries), vol. I.* Moscow, Akademia nauk SSSR Publ, 1988. 530 p. (In Russian).
- Avdeev A.G. From the history of ancient Russian epigraphy and stavrography. 3. On the issue of the origin and development of alphabetic acronyms on the Calvary crosses in Ancient Russia. *Problemy teologii. Vyp. 5. Materialy 5-j Mezhdunarodnoj bogoslovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ros. gos. prof.-ped. un-t. (Problems of theology. Issue 5. Materials of the 5th International theological scientific-practical conference. Russian State Vocational Pedagogical University)*. Ekaterinburg, RSVPU Publ., 2009, pp. 322–415 (in Russian).
- Aynalov D.V. Commentary on the Text of the Book “Palomnik” by Antony of Novgorod. *ZhMNP (novaya seriya) (Journal of the Ministry of Public Enlightenment (New series))*, 1906, no. 6, pp. 233–276 (in Russian).
- Bulychov A.A. From the History of Russo-Greek Ecclesiastical and Cultural Relations in the Second Half of the 14th Century: The Fate of St. Dionysius of Suzdal. *Vestnik tserkovnoi istorii (Bulletin of Church History)*, 2006, no. 4, pp. 87–121 (in Russian).

- Dunaev A.G. (trans.) Works of St. Meliton, Bishop of Sardis. On Easter. On the Soul and Body. Fragments. *Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov (Writings of Ancient Christian Apologists)*. Saint Petersburg, Aleteya Publ, 1999, pp. 520–694 (in Russian).
- Follieri E. L'ordine dei versi in alcuni epigrammi bizantini. *Byzantion*, 1964, no. 34 (2), pp. 447–467 (in Italian).
- Gasparov M.L. *Russkii stikh nachala XX veka v kommentariyakh (Russian Verse of the Early 20th Century in Commentaries)*. Moscow, Fortuna Limited Publ, 2001. 288 p. (In Russian).
- Gippius A.A. The Cryptogram of Dionysius of Suzdal. *Vestnik Sektora drevnerusskogo iskusstva (Bulletin of the Russian Medieval art department)*, 2022, no. 2, pp. 64–79 (in Russian).
- Gukhman S.N. 'Documentary' Account of Shah Abbas's Gift to Russia. *Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury (Proceedings of the Department of Old Russian Literature)*, Leningrad, 1974, vol. 28, pp. 255–270 (in Russian).
- Hostetler B.A. *The Function of Text: Byzantine Reliquaries with Epigrams, 843–1204*. Dissertation. Tallahassee, The Florida State University, 2016. 342 p.
- Ilyushin A.A. *Russkoe stikhoslozhenie (Russian Versification)*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2004. 239 p. (In Russian).
- Krys'ko V.B. (ed.) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) (Dictionary of Old Russian Language (11th–14th centuries))*, vol. VII. Moscow, Institut russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova Publ., 2004. 512 p. (In Russian).
- Krys'ko V.B. (ed.) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) (Dictionary of Old Russian Language (11th–14th centuries))*, vol. XI, Moscow, Azbukovnik Publ, 2016. 744 p. (In Russian).
- Krysko V.B. Additions to the Dictionary of Old Russian Language (11th–14th centuries). *OSM' DESYAT': Sbornik nauchnykh statei k yubileyu I.S. Ulukhanova (OSM' DESYAT': Collection of Scientific Articles on the Jubilee of I.S. Ulukhanov)*. Moscow, Azbukovnik Publ, 2015, pp. 315–336. (in Russian).
- Mol'kov G.A. The confusion of letters 'u' and 'yu' in the script of Novgorod Scribe Matthew. *Sub specie aeternitatis: Sbornik nauchnykh statei k 60-letiyu Vadima Borisovicha Krysko (Sub specie aeternitatis: Collection of Scientific Articles on the 60th Anniversary of Vadim Borisovich Krysko)*. Moscow, 2021, pp. 143–151 (in Russian).
- Monuments of Old Russian Spiritual Literature: Obedience Epistle of St. Dionysius, Archbishop of Suzdal, to Grand Prince Dmitry Ivanovich Donskoy, 1383. *Pravoslavny sobesednik (Orthodox Interlocutor)*. Kazan, 1866, vol. 1, pp. 239–246 (in Russian).
- Nekrasov A.I. *Drevnerusskoe izobrazitel'noe iskusstvo (Old Russian Fine Art)*. Moscow, Izogiz Publ, 1937. 395 p. (In Russian).
- Nikolaeva T.V. *Prikladnoe iskusstvo Moskovskoi Rusi (Applied Art of Muscovite Russia)*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 288 p. (In Russian).
- Nikolaeva T.V. Proizvedeniya russkogo prikladnogo iskusstva s nadpisyami XV — nachala XVI vekov (Works of Russian Applied Art with Inscriptions from the 15th to the Early 16th Century). *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Issue E1–49 (Archaeology of the USSR. Collection of archaeological sources, vol. E1–49)*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 194 p. (In Russian).
- Orlov A.S. *Bibliografiya russkikh nadpisei XI–XV vv. (Bibliography of Russian Inscriptions from the 11th to the 15th Centuries)*. Moscow, Leningrad, Academy of Science USSR Publ., 1952. 238 p. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles), vol. 1: Laurentian Chronicle*. Saint Petersburg, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1926–1928, 379 p. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles), vol. 2: Hypatian Chronicle*. Saint Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova Publ., 1908. 638 p. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles), vol. 15: Rogozhsky historian*. Petrograd, 1922. 186 p. (In Russian).

- Pozdnyakova N.V., Churilina L.N. IMATION I XITΩN: Features of Translation in Slavic Monuments of the 11th Century. *Problemy istorii, filologii, kultury (Issues in History, Philology, and Culture)*. Magadan, 2022, no. 4, pp. 256–262 (in Russian).
- Prokhorov G.M. *Drevnerusskoe letopisanie. Vzgljad v nepovtorimoe. (Old Russian Chronicle Writing: A Glimpse into the Unrepeatable)*. Saint Petersburg, Izdatelstvo O.Abyshko Publ., 2014. 416 p. (In Russian).
- Rhoby A. *Byzantinische Epigramme auf Ikonen und Objekten der Kleinkunst. Veröffentlichungen zur Byzanzforschung. Bd. 23*. Wein, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften Publ., 2010. 539 p. (In German).
- Rybakov B.A. *Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vekov (Russian Dated Inscriptions of the 11th–14th Centuries)*. Moscow, Nauka Publ, 1964. 48 p. (In Russian)
- Sterligova I.A. New Testament Relics in Ancient Russia. *Khristianskie relikvii v Moskovskom Kreml'e (Christian Relics in the Moscow Kremlin)*. Moscow, Radunica Publ., 2000, pp. 19–93 (in Russian).
- Sterligova I.A. The Reliquarium of Dionysius of Suzdal. *Blagoveshchenskiy sobor Moskovskogo Kremlia: Materialy i issledovaniya (Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin: Materials and Research)*. Moscow, Gos. istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik "Moskovskij Kreml'" Publ., 1999, pp. 280–303 (in Russian).
- Taranovskii K.F. Forms of Common Slavic and Church Slavic Versification in Old Russian Literature of the 11th to 17th Centuries. *O poezii i poetike (On Poetry and Poetics)*. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2000, pp. 257–274 (in Russian).
- Uspenskii B.L. *Krest i krug: iz istorii khristianskoj simboliki. (Cross and Circle: From the History of Christian Symbolism)*. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2006. 488 p. (In Russian).
- Yermilov P.V. The Notion of 'Equal of the angels' in the Patristic Tradition. *Bogoslovskii sbornik (Theological Collection)*, 2005, no. 13, pp. 55–100 (in Russian)
- Zaliznyak A.A. On the Oldest Cyrillic Abecedaries. *Poetika. Istorija literatury. Lingvistika (Poetics. History of Literature. Linguistics)*. *Sbornik k 70-letiyu Vyacheslava Vsevolodovi-cha Ivanova*. Moscow, OGI Publ, 1999, pp. 543–576 (in Russian).

Л. М. Воронцова

Драгоценный оклад иконы «Богоматерь Перивлепта» из собрания Троице-Сергиевой лавры

© 2024

УДК 739:27-526.62(470.311)"13"
ББК ББК 85.126(2)
В75

Поступила в редакцию 11.04.2024

Икона, известная под названием «Богоматерь Перивлепта», поступила в Сергиево-Посадский музей-заповедник из собрания Троице-Сергиевой лавры в 1920 г.¹ [илл.1]. Свое наименование образ получил по киноарной надписи, сохранившейся на золотом фоне средника. По сторонам нимба слева и справа от головы Богоматери расположены буквы титулатуры МР, ΘϞ и греческая надпись Η ΠΕΡΙΒΛΕΠΤΟΣ. В историографической литературе икона рассматривалась прежде всего как памятник иконописи, ее многосоставный драгоценный убор привлекал внимание исследователей в гораздо меньшей степени. Между тем иконный оклад являлся неотъемлемой частью чтимого образа в течение столетий. Икона была богато украшена чеканным серебром, золотыми венцами с драгоценными камнями, золотыми и серебряными цатами, многочисленными гривнами, золотыми серьгами, жемчужными ожерельем и зарукавьями, золотыми угорскими монетами. Статья посвящена исследованию драгоценного убора, его состава и происхождения, определению научной и исторической значимости.

Ю.А. Олсуфьев, первым предложивший научное описание иконы в 1920 г., и автор фундаментального труда «Древнерусская живопись в собрании Загорского музея» Т.В. Николаева датировали икону в окладе XIV столетием [Олсуфьев, 1920. С. 260–263. № 1/389; Николаева, 1977. С. 73. № 98]. М.М. Пименова убедительно показала, что икона «была создана в конце XIV в. и принадлежит константинопольской школе». По ее мнению, наиболее близкой аналогией (при некоторых отличиях расположения рук Богоматери и Младенца, а также

1 Богоматерь Перивлепта. Икона — Константинополь, конец XIV в. Оклад, венцы — XIV, XV вв.; убрус — XVI в. Москва, Западная Европа. Золото, серебро, сапфиры, корунд желтый, альмандины, пиропы, кварцы дымчатые, сапфирин, бирюза, жемчуг, золотные нити, шелк; чеканка, басма, скань, эмаль, ткачество, низание жемчугом. Икона 59,5 × 45,5 × 3,0 (без надставок); 71,0 × 57,5 × 3,0 (с надставками). СПМЗ. Инв. 384 их.